

А. Новицкий

**История русского искусства с
древнейших времен**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Новицкий**
История русского искусства с древнейших времен: Том 2 / А. Новицкий – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 578 с.

ISBN 978-5-4241-9807-6

ISBN 978-5-4241-9807-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Рис. 1. Матвѣевъ. Петръ I. Съ гравюры Андрусскаго.

I.

Мы видѣли раньше, что за послѣднее время западное вліяніе на наше искусство, бывшее въ началѣ очень слабымъ, стало все болѣе и болѣе усиливаться. Вліяніе это не ограничилось однимъ только искусствомъ, а съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе внѣдрялось оно во всю русскую жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Передовые люди нашего государства уже явно стали отдавать предпочтеніе Западу, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и даже въ образѣ жизни. Но болѣе всѣхъ выказывалъ это предпочтеніе юный сынъ царя А лек сѣ я М и х а и л о в и ч а, пылкій и энергичный Петръ. Сдѣлавшись, наконецъ, единодержавнымъ властителемъ могущественнаго государства, облеченный неограниченною властью и находя себѣ сочувствіе и содѣйствіе въ лицѣ передовыхъ людей своей родины, гениальный и энергичный государь не захотѣлъ останавливаться на полумѣрахъ и рѣшилъ разомъ переорганизовать весь русскій государственный строй и весь образъ жизни по западному

образу. Такое преобразование не могло не отразиться и на искусствѣ.

Подобно другимъ дѣтямъ Алексѣя Михайловича, Петръ I тоже любилъ искусство и даже самъ пробовалъ въ немъ свои силы. Подтверженіемъ этого служатъ оставшіяся послѣ него болѣе шестидесяти произведеній его работы, между которыми особенно вниманія заслуживаютъ: прекрасно выточенное изъ слоновой кости паникадило съ изображеніемъ Тайной Вечери и Распятія, круглый медальонъ, тоже изъ слоновой кости, съ портретомъ Людовика XV-го, другой такой же медальонъ съ изображеніемъ св. Андрея Первозваннаго, небольшая, изъ слоновой же кости, статуэтка апостола Петра, нѣсколько другихъ деревянныхъ статуэтокъ и, наконецъ, гравюра, исполненная имъ въ Амстердамѣ, подъ наблюденіемъ извѣстнаго Шхонебека, и представляющая торжество христіанской религіи надъ масульманскою, въ видѣ ангела, съ крестомъ и пальмою въ рукахъ, попирающаго полумѣсяцъ и турецкіе бунчуки.

Рѣшившись поставить Россію на достойное мѣсто въ средѣ Европейскихъ державъ, великій преобразователь старался придать ей не однѣ только общественныя формы, не одинъ только государственный строй Западной Европы, но желалъ привить своимъ подданнымъ и европейскія науки, и искусства, и даже взгляды. Онъ ласково принималъ и содержалъ на свой счетъ пріѣзжавшихъ въ Москву иностранныхъ художниковъ и самъ приглашалъ многихъ изъ нихъ изъ-заграницы, платя имъ большія, по тому времени, жалованья.

Видя, что главное преимущество западнаго искусства зависитъ отъ свободнаго владѣнія рисункомъ, Петръ Великій главное вниманіе обратилъ на правильную постановку у насъ обученія рисованію, для чего были употреблены всѣ возможные мѣры.

Прежде всего, онъ вмѣнилъ въ обязанность Петербургской типографіи завести правильную школу рисованія и назначилъ туда учителемъ сперва бывшаго иконописцемъ Григорія Адольскаго, а затѣмъ Ивана Адольскаго. Государь самъ слѣдилъ за успѣхами школы, посѣщая ея классы. Есть свѣдѣнія, что тамъ учили не только копировать съ оригиналовъ, но были и натурные классы.

Но видя, что успѣхи подобной школы, уже по одному недостатку учебныхъ средствъ, не въ состояніи удовлетворить тѣмъ

задачамъ, какія онъ себѣ поставилъ, Петръ, не щадя издержекъ, сталъ посылать русскихъ молодыхъ людей пенсионерами за-границу, для правильнаго обученія искусствамъ. Такъ, онъ отправилъ архитекторовъ Устинова и Коробова и живописца Андрея Матвѣева въ Голландію, братьевъ Ивана и Романа Никитиныхъ и Захарова въ Италію, а гравера Коровина во Францію. Какъ тѣ, такъ и другіе, проходили тамъ полный академическій курсъ, причемъ объ успѣхахъ учащихся во Флоренціи далъ лестный отзывъ въ своей грамотѣ государю самъ великій герцогъ Тосканскій.

Между тѣмъ какъ эти пенсионеры обучались за-границей, въ Россію было вызвано много иностранныхъ художниковъ, особенно архитекторовъ. Имена Леблона, Трезини, Микетти, Швердтфегера, Фёрстера, Брандта, Гаманна и Мюнниха тѣсно связаны съ исторіей постройки Петербурга и его окрестностей. Графъ Растрелли Старшій, отецъ знаменитаго архитектора времянъ Елизаветы, работалъ здѣсь не только въ качествѣ архитектора, но въ то же время былъ и медальеромъ, и живописцемъ, ему же принадлежатъ и многіе бюсты и статуи въ Лѣтнемъ саду. Изъ живописцевъ были вызваны Таннауэръ, Караваль и Гзель съ женою.

Но всѣ эти иностранцы далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Въмѣсто того, чтобы обучать русскихъ своему искусству, они старались, напротивъ, затирать ихъ и заботились только о томъ, чтобы захватить себѣ въ руки какъ можно больше заработка, не отказываясь ни отъ какихъ работъ, или заказовъ, лишь бы они были выгодными. Такъ, Караваль, будучи баталистомъ, охотно писалъ цвѣты и пейзажи и расписывалъ потолки; Растрелли Старшій, архитекторъ и скульпторъ, занимался механикой, а портретистъ Таннауэръ бралъ на себя починку часовъ. Можно судить, послѣ этого, каково было у нихъ отношеніе къ искусству, и какіе результаты могло дать ихъ преподаваніе.

Не того ожидалъ отъ нихъ государь, имѣвшій намѣреніе положить твердое основаніе художественному образованію. Въ этомъ дѣлѣ онъ нашелъ дѣятельнаго и энергичнаго исполнителя своихъ замысловъ въ лицѣ Михаила Петровича Аврамова.

Начавъ скромно свою службу въ подъячихъ Посольскаго приказа, еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, М. П. Аврамовъ выказалъ свои способности и усердіе. Когда Петръ I отправлялъ

молодыхъ людей учиться въ Голландію, то въ числѣ ихъ поѣхалъ туда и Аврамовъ, которому было въ это время шестнадцать лѣтъ. Пробывши тамъ пять лѣтъ и вернувшись въ Москву, въ 1702 году, онъ былъ произведенъ Петромъ въ дяки Оружейной палаты. Аврамовъ отличался всегда любовью ко всему русскому и большою предприимчивостью и смѣтливостью, благодаря чему онъ не былъ такимъ формалистомъ по службѣ, какими были другіе его товарищи. Всѣ эти качества обратили на него вниманіе великаго преобразователя, и онъ назначилъ его директоромъ С.-Петербургской Типографіи, при которой, какъ мы уже говорили, былъ устроенъ художественный классъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, Аврамовъ сдѣлался вліятельнымъ лицомъ, породнился съ царскимъ секретаремъ Макаровымъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Свое назначеніе Аврамовъ оправдалъ вполне, оказавшись дѣятельнымъ и заботливымъ директоромъ, и не ограничивалъ свою дѣятельность только точнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на него порученій, но задумывался и надъ дальнѣйшимъ развитіемъ ввѣреннаго ему дѣла. Находя, что такой школы, какая состояла въ его вѣдѣніи, было недостаточно, Аврамовъ подалъ государю проектъ специальной художественной школы въ Петербургѣ, гдѣ рисованіе было бы главнымъ предметомъ и примѣнялось бы ко всякаго рода художественно-техническимъ производствамъ. Для этого онъ предлагалъ построить приличный домъ, снабдить его всѣми необходимыми учебными пособиями и набрать учителей изъ петербургскихъ же художниковъ, въ профессора же живописи опредѣлить Ивана Никитина, находившагося тогда во Флоренціи, увѣряя, что тотъ готовъ оставить тамъ свое ученіе. Но на послѣднее государь не могъ согласиться, такъ какъ онъ всегда говорилъ, что половиннаго знанія для него недостаточно, да, вѣроятно, и не думалъ начинать это дѣло сразу въ такихъ размѣрахъ, — по крайней мѣрѣ, онъ отвѣтилъ Аврамову, что это будетъ сдѣлано послѣ, когда въ Россіи достаточно уже разовьется наука.

И дѣйствительно, тогда онъ уже задумалъ другое учрежденіе, которое служило бы къ развитію не только искусства, но, главнымъ образомъ, науки, и занимался составленіемъ устава Академіи Наукъ съ художественнымъ отдѣленіемъ.

Между тѣмъ, въ это же время былъ представленъ ему еще

другой подобный же проект Академіи Художествъ Андреемъ Константиновичемъ Нартовымъ.

Этотъ послѣдній тридцати пяти лѣтъ былъ посланъ Петромъ въ Пруссію, Голландію, Францію и Англію, для усовершенствованія въ токарномъ искусствѣ и „пріобрѣтенія знаній въ механикѣ и математикѣ“. Черезъ пять лѣтъ послѣ того, онъ былъ сдѣланъ главнымъ токаремъ, а годъ спустя, въ декабрѣ 1724, представилъ Петру проектъ „О сочиненіи таковой Императорской Академіи разныхъ художествъ, которой здѣсь въ Россіи еще не обрѣтается, безъ которой художники подлиннаго въ своихъ художествахъ основанія имѣть не могутъ, и художества не токмо чтобъ для пользы государственной вновь прибавлятися, но и старыя погасать могутъ“. При этомъ онъ увѣрялъ, что „о установленіи таковой Академіи всѣ купно съ ревностнымъ своимъ желаніемъ просятъ“. Онъ предлагалъ, чтобы тамъ преподавались „архитектура-цивилисъ, механика всякихъ мельницъ и слюзовъ, живопись всякихъ разныхъ малярствъ, скульптура же всякихъ разныхъ дѣлъ и грыдорованіе всякихъ же разныхъ дѣлъ“. Кромѣ того, онъ прибавлялъ: „При оной же Академіи имѣеть быть и типографія для печатанія гражданскихъ книгъ и грыдорованныхъ листовъ, съ принадлежащими къ ней служителями. Да при сей же Академіи надобенъ одинъ человекъ для модели, съ котораго будутъ рисовать“.

Этотъ проектъ, повидимому, болѣе обратилъ на себя вниманія государя, чѣмъ проектъ Аврамова, по крайней мѣрѣ, на немъ сохранилась собственноручная замѣтка Петра, гдѣ онъ перечисляетъ девятнадцать отдѣленій, нужныхъ въ Академіи, а именно: 1. „Живописное, 2. скульптурное, 3. штыховальное, 4. тушевальное, 5. грыдовальное, 6. граверное, 7. столярное, 8. токарное, 9. плотничное, 10. архитектуры цивилисъ, 11. мельницъ всякихъ, 12. слюзовъ, 13. фонтановъ, что до гидройки надлежитъ, 14. оптическое, 15. инструментовъ металлическихъ, 16. инструментовъ лѣкарскихъ, 17. слесарное, 18. мѣднаго дѣла, 19. часовое“.

Но осуществленія этотъ проектъ тоже не получилъ, и художества должны были ограничиваться тою долею, которую имъ удѣляла Академія Наукъ. Такъ, еще въ августѣ 1725 года, поступили туда два брата Коровины, о которыхъ тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ писалъ, что „первый изъ нихъ обучается грыдорованному художеству, и оба они знатоки языковъ“.

Наконецъ, 24 января 1726 года, состоялось торжественное открытіе Академіи Наукъ. Среди учебныхъ предметовъ, въ ней заняли скромное мѣсто и главныя отрасли искусства, причемъ необходимость ихъ преподаванія мотивировалась такъ: „А чтобъ и тѣмъ довольно учинилось, которые высокими искусствамъ учиться не могутъ, но, однакожь, другія художества, въ житіи человѣческомъ препозлезныя, перенимать желаютъ, четыре человѣка къ тому дѣлу опредѣлены, которымъ впредь другіе прибавлены будутъ“.

Между различными задачами, исполненіе которыхъ возлагалось на этихъ художниковъ, являлось изданіе иллюстрированнаго описанія Кунтскамеры, въ которомъ предположено было „самыя курьезныя вещи выгрыдовать“, а также и „натуральныя и художественныя старинныя вещи, чертежи и картины, находящіяся въ домѣ Ея Императорскаго Величества“.

Такимъ образомъ, искусство въ Академіи Наукъ играло только служебную роль и имѣло практическое значеніе, рациональная же постановка обученія оставалась въ небреженіи.

Тогда снова явился со своимъ проектомъ Аврамовъ, пользовавшійся большими милостями и у Екатерины I. Зная, что императрица и сама любила изящныя искусства и, кромѣ того, особенно внимательно всегда относилась ко всякимъ проектамъ, въ которыхъ упоминалось о намѣреніяхъ ея великаго супруга, Аврамовъ понялъ, что моментъ для проведенія его проекта насталъ самый благоприятный, и подалъ императрицѣ свое „Предложеніе вкратцѣ о учрежденіи полной академіи живописной науки“.

Начавъ рѣчь отъ Грековъ и Римлянъ, онъ указываетъ тамъ, прежде всего, что великій ея предшественникъ, „не смотря на многую трату казны, обучалъ какъ въ своей Имперіи, такъ и посылалъ въ другія окрестныя государства, для понятія разныхъ наукъ“. Всѣ эти траты онъ находилъ возможнымъ сократить, лишь бы только, говоритъ онъ „повелѣли бы, Державство Ваше, сочинить полную академію, въ которую входъ всѣмъ невозбраненъ да будетъ обучатися безъ платы, которымъ безъ рисунка обойтись невозможно, а именно, какъ скульпторамъ, архитекторамъ, иконописцамъ, грядоровальщикамъ, чеканщикамъ, штукаторамъ, лѣпящимъ фигуры шпалернымъ мастерамъ и пр. Понеже, объясняетъ онъ далѣе, сія превосходительная наука будетъ къ пользѣ всѣмъ въ Россіи, яко же въ Италіи и въ другихъ государствахъ. И съ такую самою малою суммою, добавляетъ онъ, какъ ниже видимо

будеть, Россія возымѣетъ въ прибавокъ новую Академію, достойную чести, при славнѣйшей державѣ Вашего Императорскаго Величества, нашей всемилостивѣйшей Монархини, яко признакъ приусугубленный въ вѣчную славу и память Вашему Императорскому Величеству“.

Въ этой Академіи Абрамовъ прежде всего предлагалъ учредить натурный классъ - школу, „гдѣ надлежить быть двумъ человѣкамъ моделями, которые будутъ поставляться по вся вечера, послѣ настоящихъ дѣлъ, гдѣ студенты, сѣдши всѣ около театра, будутъ рисовать съ натуры тѣла человеческого, для обученія внѣшней и великой практики въ рисунокѣ“. Профессоровъ для преподаванія живописи онъ предполагалъ назначить шесть и, сверхъ того, учителя перспективы, который обучалъ бы также и математикѣ. Число учащихся предполагалось ограничить двѣнадцатью и разделить ихъ на три класса. Директоромъ этой Академіи онъ предлагалъ назначить Никитина Старшаго. Весь ежегодный расходъ на ея содержаніе исчислялъ онъ въ семь тысячъ рублей; въ эту сумму, конечно, не входило устройство галлерей слѣпковъ и картинъ, на чтѣ испрашивалось особо шесть тысячъ единовременно.

Какъ мы уже сказали, всѣ шансы были въ пользу утверженія этого устава, но судьба, и на этотъ разъ, оказалась не благоприятнѣе, чѣмъ въ первый,—въ это время шли приготовленія къ свадьбѣ великой княгини Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ. Поэтому проектъ Аврамова сперва былъ отложенъ за недосугомъ, а потомъ и оставленъ вовсе, подѣ влияніемъ зятя, покровительствовавшаго бывшимъ въ Петербургѣ нѣмцамъ, и искусство опять должно было ограничиться Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, которое, нужно замѣтить, было утверждено далеко не въ томъ видѣ, какъ намѣревался сдѣлать это Петръ Великій, а, кромѣ того, даже и отправка пенсіонеровъ за-границу была отмѣнена.

Упомянутое Отдѣленіе находилось въ рукахъ живописца Гзеля и его жены, скульптора Оснера и архитектора Марцелиуса (Marzelius). Отъ этого времени дошли до насъ имена только очень немногихъ изъ учениковъ Гзеля, среди которыхъ выдѣляются изъ другихъ живописецъ Андрей Грековъ и рисовальщикъ цвѣтовъ и фруктовъ Иванъ Богдановъ. Одно уже это ясно свидѣтельствуетъ, насколько слабо шло тамъ дѣло. Главное вниманіе всетаки было обращено только на граверный классъ, именовав-

шійся „Полатою фигуръ“, но и онъ преслѣдовалъ чисто ремесленные цѣли и долженъ былъ образовать граверовъ для иллюстраціи ученыхъ и другихъ академическихъ изданій. Подъ руководствомъ Эллигера, Вортмана и Штенглейна, ученики этого класса занимались гравированіемъ на мѣди портретовъ, пейзажей, плановъ, картъ, а иногда и цѣлыхъ историческихъ сценъ, предназначавшихся для тѣхъ же изданій. Все это были работы, не имѣвшія ничего общаго съ искусствомъ, но все же это было больше, чѣмъ проекты иллюминацій, фейерверковъ и придворныхъ праздниковъ, которыми тоже ихъ занимали.

Этому нельзя и удивляться, если вспомнить, какъ мало въ то время вообще былъ развитъ вкусъ къ искусству и при дворѣ, и въ обществѣ. На искусство смотрѣли не какъ на необходимый предметъ образованія, или на средство народнаго развитія, а только какъ на предметъ роскоши и блеска, какъ на внѣшній атрибутъ европейской цивилизаціи.

Сама Академія Наукъ чувствовала ничтожность результатовъ своихъ усилій въ этомъ отношеніи, и президентъ ея, баронъ Кейзерлингъ, возобновилъ вопросъ объ учрежденіи при ней особой „Академіи Художествъ“. Въ засѣданіи Академіи, состоявшемся 7 сентября 1733 года, были подняты вопросы: „Потребна-ли Академія Художествъ при Академіи Наукъ, или нѣтъ, и въ чемъ она государству полезна быть можетъ? Можетъ-ли Академія Художествъ, по приложенному статуту, впереди изъ суммы Академіи Наукъ содержана быть, или нѣтъ? и довольно ли нынѣшнее состояніе Академіи Художествъ, по сообщенному о ней штату, къ содержанію всего того, что по нынѣ учинено, или не надлежитъ ли онаго прибавить, или убавить?“

Представляя эти вопросы на усмотрѣніе императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, баронъ Кейзерлингъ объяснялъ, что „такъ называемая Академія Художествъ, кромѣ услугъ Академіи Наукъ, особливо нѣсколько учениковъ россійской націи представить можетъ, которые уже многія, похвалы достойныя пробы своего искусства учинили“, что „такіе художники, какъ государству, такъ и Академіи зѣло полезны“, но что „оныя нынѣшними доходами содержаны быть весьма не могутъ“.

Все это дѣло кончилось только тѣмъ, что къ положеннымъ Петромъ I двадцати пяти тысячамъ рублей, ежегодно отпускаемымъ на Академію Наукъ, прибавлено еще пять тысячъ.

Наконецъ, въ регламентѣ, подписанномъ 25 сентября 1747 года, о художественномъ отдѣлѣ прямо говорится, что хотя, по идеи Петра I, и должны быть искусства, настолько же, какъ и науки, признаны „къ благосостоянію всякаго государства—дѣломъ необходимо потребнымъ“, но что художественный департаментъ не получилъ еще и предварительнаго проекта „за кончиною жизни Его Величества“. Въ царствованія же Екатерины I и Анны Ивановны, Академія „плодовъ и пользы совершенной не произвела“ потому, что не было положено „добраго всему опредѣленія“.

По введеніи въ силу новаго регламента, въ 1748 году, преподаватели искусствъ: декораторъ - перспективистъ Валеріани, живописецъ Градицци, архитекторъ Шумахеръ и скульпторъ Дункеръ, подъ предсѣдательствомъ Я. Я. Штелина, возведеннаго въ директоры Художественнаго Департамента, имѣли уже спеціальныя „собранія“, сперва разъ въ недѣлю, потомъ два раза въ мѣсяць, затѣмъ разъ въ мѣсяць — чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже. Первое такое собраніе состоялось 8 іюня 1748 года, и засѣдавшіе въ немъ названы въ протоколѣ членами Академіи Художествъ. На этихъ собраніяхъ разсматривался, между прочимъ, проектъ изданія руководства по перспективѣ. Было ли издано такое руководство, или нѣтъ, намъ не извѣстно, но, во всякомъ случаѣ, эта часть получила значительное развитіе, что мы можемъ видѣть въ работахъ такого художника, какъ Левицкій, бывший ученикомъ Валеріани, и особенно въ панорамахъ береговъ Невы и видахъ отдѣльныхъ зданій Петербурга, исполненныхъ подъ наблюденіемъ Валеріани, ученикомъ его М. И. Махаевымъ и потомъ изданнымъ, въ 1753 г.

Къ концу того же 1748 года пріобрѣтены были Академіею гипсовыя статуи. Это послѣднее обстоятельство, такъ же какъ и заботы объ изданіи руководства къ перспективѣ, ясно свидѣтельствуя о желаніи членовъ Академіи дать средства учащимся изучать искусство болѣе рациональнымъ способомъ.

Вообще въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны замѣчается нѣкоторое оживленіе въ художественной жизни. Любившая свою національность и, въ то же время, жаждавшая роскоши и блеска, дочь Петра Великаго выступила въ борьбу противъ нѣмецкаго вліянія, которое такъ сильно укрѣпилось со временъ Петра. Но, изгнавши нѣмецкое вліяніе, мы вскорѣ, въ той же мѣрѣ, подпали подъ французское. Тогда на Невѣ уко-

рѣнились французскіе нравы и языкъ, и Версаль во всемъ служилъ образцомъ для Петербурга. Потребность въ роскоши, комфорѣ и въ удовольствіяхъ возрастала съ каждымъ годомъ и овладѣла всѣмъ высшимъ обществомъ. Петербургъ украсился тогда многими роскошными зданіями; дворцы наполнились картинами и другими произведеніями искусства. Русскіе художники, и по малочисленности и по слабости силъ, не могли удовлетворить такимъ требованіямъ, и снова начался вызовъ иностранныхъ художниковъ.

Кромѣ портретнаго живописца, графа Ротари, писавшаго также и историческія и аллегорическія картины, вызваны были въ Россію плафонный живописецъ Фонтебассо, портретный живописецъ Георгъ Гроотъ и братъ его Іоганнъ, извѣстный живописецъ животныхъ Джузеппе, Джеромо Бони и многіе другіе. Во главѣ скульпторовъ попрежнему оставался графъ Растрелли Старшій.

Въ это же царствованіе получилъ большое вліяніе выдающійся изъ своей среды, и умомъ, и образованіемъ, и горячею преданностью своему отечеству, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, которому рокъ судилъ вызвать, наконецъ, къ жизни настоящую Академію Художествъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже, теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію состоянія, за это время, каждой отдѣльной отрасли искусства.

II.

Архитектурная дѣятельность петровскаго времени, главнымъ образомъ, естественно, должна была сосредоточиться на любимомъ дѣтищѣ великаго императора, на вновь создаемомъ Петербургѣ, и поэтому съ него именно и мы должны начать свой обзоръ движенія архитектуры той эпохи.

Быстрая застройка новаго города всего болѣе занимала Петра I, и онъ, издавая постановленіе за постановленіемъ для исполненія задуманнаго, старался найти такого техника - строителя, который былъ бы способенъ исполнить его намѣренія.

Въ 1713 году нанятъ былъ въ Берлинѣ, въ качествѣ главнаго распорядителя строительныхъ работъ въ Петербургѣ, со званіемъ оберъ - бау - директора, знаменитый строитель Берлинскаго королевскаго дворца, Шлитеръ (Schlüter), но онъ умеръ